

<<...Единственна всякая повесть людская...>>

Первая книга зрелого поэта. Вот так бывает: с отроческих лет – преданное и бескомпромиссное служение Слову, четверть века многочисленных публикаций – сначала в областной печати, затем во всесоюзных, всероссийских изданиях (<<Литературная газета>>, <<Смена>>, <<Вопросы литературы>> и др.), прекрасная своей лиричностью подборка в <<Рекламной библиотеке поэта>> (М.1995), передача на всероссийском радио с заботливым напутствием Льва Озерова (1990). Книга была собрана давно, но автор не торопился выпускать ее, искал себя, свой голос. И вот теперь, когда сердечностью приросли (и проросли!) ума холодные наблюдения, когда уравновешен ими стилистически и интонационно горестные заметы сердца, когда есть уже мастерство, - теперь, наконец, первая настоящая книга...

Игорь Непомнящий рос и учился в Брянске, у него музыкальное и филологическое образование. Точнее, я бы сказала – образованность. Это обнаруживают и ритмическая культура его стиха, и умение приникать к Слову с таким глубинным вниманием, такой заботливой осторожностью, с какими скрипач приникает к смычку и деке.

Он – исследователь-литературовед, учитель-словесник I Брянской гимназии. И не просто учитель – продолжатель славных педагогических традиций, сын учителей, окружённых благодарной любовью многих поколений учеников.

Отец Игоря Борис Иосифович – прекрасный поэт, автор двух поэтических книг, несомненно, сыграл огромную роль в нравственном и литературном становлении сына. Причем уникальность этой роли, точнее, уникальность его человеческого обаяния в том, то Борис Иосифович помогал Игорю вырабатывать иммунитет ко всякого рода внешним воздействиям, ко всякого рода подражательности, в том числе и себе самому. И это несмотря на (а может быть, именно благодаря ей?) высочайшую степень их душевного сродства. <<Душа приникает к душе>> - не об этом ли поэтическая формула сна?..

...Рассказывали, то однажды, в далекие теперь 70-е, у одного из молодых <<неофициальных>> поэтов вдруг приняли к публикации несколько стихотворений в солидном журнале. Небывалая удача! Но редакция пожелала изменить одно лишь слово. <<Какое?>> - спросил автор. <<Душа>>. Поэт

отказался и еще много лет ждал случая опубликоваться.

Пожалуй, это слово не уступил бы и Игорь Непомнящий; все окружающее: и мир вещей, и мир людей, и природа – полно для него одухотворенности. Смотрите, как он пишет: <<...вровень С кустом рябиновым живет душа твоя>>; души ласточек, <<перед Грозою сиянье струя, Отчаянно верят, то смилуется Судия>>; <<А наши бессмертные души Разлуку для нас берегли>>... Душа для поэта – не толькоместилище, но и <<оператор>> чувств, оценок, и точнее всего об этом говорит жесткое, обжигающе холодное – особенно в свете русской исторической памяти – сравнение душ с поверженными (но еще живыми!) деревьями: <<И мы забывали, и нас забывали, И нас предавали, и мы предавали. И души, как сосны на лесоповале, Мучительно так от небес отставали>>.

Да, душа – очень важный для поэта образ, но не единственный, и существует он в системе. В его свободной, смело и стремительно летящей колеснице душа – коренная. Рядом, в одной упряжке – Память, Время, Слово.

Одухотворенная память имеет цвет, вкус, назначение, наполняет собой все сущее, представляясь поэту сжатой энергией: <<Мир памятью полон, как скважина нефтью срой, Как дерево – гулом, а облако – светом закатным...>>. Ее потенциальная энергетика, с одной сторон – вне времени и пространства (<<Тебя я не вспомню, поскольку тебя не забуду>>. С другой же именно память – хранитель связи времен, человеческих связей: <<...и вдруг пошатнулся во мгле От памяти, кто я такой и откуда я родом>>. Именно такое восприятие заставляет нас верить поэту, когда он утверждает:

*В мире, перевернутом вверх дном,
Где остановился метроном
И себя с потомком спутал предок,
Можно описать и так, и этак
В ас печали за ночным окном
Шепот ампутированных веток.*

Способность слушать и слышать <<шепот ампутированных веток>>, умение соединять времена и говорить при этом о своей эпохе, умение показать ценность каждой отдельной жизни, неповторимость опыта каждого частного

существования в истории - <<не под потолком, а под небом>> - все это делает естественным неожиданный, беспощадный, но и поучительный ввод: о безграничной власти памяти. Как в таком, казалось бы, простеньком четверостишье: <<Песчаный пляж...ущербная луна...Прибой, как метроном, в ночном эфире... И если я умру, моя вина Останется в меня простившем мире>>.

В полном согласии с так понятой идеей памяти у Игоря Непомнящего то, то принято назвать хронотопом. В стихах много света, цвета, воздуха, Время и Пространство живут в них просторно, не мешая друг другу, а подчас причудливо перетекая одно в другое, иногда в прямом смысле этого слова: <<Протекание времени – как протекание крыши... В прохудившемся толе и тучи, и звезды видны... Запрокинувшись в небо, на нитке вишу и завишу Лишь от воли звезд и безволя ночной тишины>>.

И время, и пространство постоянно участвуют в развитии самых сквозных и объёмных для этого поэта тем: Любовь, Россия, Слово. Мне кажется, об этих важных составляющих нашей жизни Игорь Непомнящий умеет говорить по-своему, в лучших его стихах – свободный от клише <<первородный язык человека>>. Ассоциации и метафоры, наполняющие стихи, хотя и очень индивидуальны, порождены глубинами авторского подсознания – логичны и общечеловечески понятны, а слово, вмещающее подчас оттенки смысла, за мгновенье до строки непредсказуемые – иногда как б и не слово уже – уже судьба:

Звёздный блеск над холодеющей рекой,
Темных сосен симфонический покой...
В стороне – густой гудок товарняка,
Оседающий на гребне сосняка.
Ночь, летящая сквозь мир порожняком...
Печь, истопленная душным сушняком...
Недописанная фраза в дневнике...
Божий замысел – всегда в черновике...

Перед нами действительно первая книга зрелого поэта. Уверена: она найдет своих читателей. Кроме тех, кто уже знает стихи Игоря и ждет эту книгу вместе с ним.

Мне даже кажется, то в книге есть стихи, которые найдут своего композитора. И тогда, видимо, станет чуть меньше песен с пустыми и безвкусными текстами. А в мире станет чуть больше нежности и доброты.

**Светлана ГЕХТЛЯР,
доктор филологических наук.**

Прощеньем покарай! За что? За что?
За душный запах мокрого пальто?
За влажный след на скользкой половице?
За суховатый холод первых фраз?
За то, что так и не наступит час,
Когда все это сможет совершиться?

ЗНОЙ

1

Зной настоян на звоне ленивых шмелей
И на шелесте дремлющих вишен...
Их ленивой листвы расплескавшийся клей
Ослепителен и неподвижен.
Ярко-желтая бабочка на рукаве
Замирает в блаженной истоме...
Но услышишь, щекою прижавшись к траве,
Содроганье корней в черноземе.

2

Лень яблоне листвою шевельнуть,
И боязно безмолвие спугнуть
Густым кустам разросшейся сирени,
И воздух сух и пресен, как песок,
И как-то жаль своей наискосок
На том песке расплющившейся тени.

ДАЧНЫЙ ПОСЕЛОК

1

Ласточки перед грозой

Неведомым муча,
Грозя, то возьмет в оборот,
Лиловая туча
Над дачным поселком растет.
И в час предзакатный,
Внушая стремительный страх,
Багровые пятна
Дрожат у нее на краях.
Но в тайной отваге,
А может быть, в тайной тоске
Все чертят зигзаги
Две ласточки невдалеке.
Лихая забава
Решаться на каждый бросок -
То влево, то вправо,
То прямо, то наискосок...
И души их, перед
Грозою сиянья струя,
Отчаянно верят,
Что смилуется Судия.

2

Примерно полчаса гроза торжествовала...
За сценой, в облаках, гремя листом железа,
Саму себя творя и не страшась провала,
Для нас с тобою шла шекспировская пьеса...
А нынче тишина стоит, как столбик ртути,
И в небе, и в саду, и в комнате вечерней
И сердцу говорит об отгремевшей смуте
Не меньше, чем слова, и даже достоверней.

3

За миг до того, как Орфей оглянулся, она
Глаза опустила, чтоб только не встретиться взглядом,
И между двоими такая прошла тишина,
Которая и на земле показалась бы адом.
Когда бы любила, вослед бы не слала мольбы,
Когда бы любила, вдогонку ему не кричала б,
И дожил бы он до седин, не услышавший жалоб
Своей Эвридики – возлюбленной, песни, судьбы.

4

Под утро на дачном участке,
Как будто стесняясь чужих,
Деревья боятся огласки
Домашних секретов своих.
К вершинам проснувшихся вишен,
Ревниво хранящим покой,
Свод неба настолько приближен,
то можно потрогать рукой.
Садовый седой гладиолус,
Садовой сирени кусты

Подать не решаются голос
Из сизой сырой темноты.
И так одиноко и волгло
В том мире, где ты заспалась,
Что, кажется, время умолкло,
Ночных откровений стыдясь.
Лишь с бесцеремонностью редкой
Бог весть на каком сквозняке
Железнодорожную веткой
Товарный канет вдалеке.

5

Ты распахнешь окно – и сад ночной
Обнимет слух тысячелистным шумом...
Покажется, то море за стеной
Гремит с упорством нежным и угрюмым.
Смородиновый куст, по грудь в росе,
К тебе протянет ветки для объятья,
И звезды лета – до единой все -
Осыплются на волосы и платье.
Пока еще клубится небосвод
Над деревом, изогнутым как лира,
Не птица, а листва для нас поет
Ночные песни молодого мира.

ЗНАК ПЕРЕНОСА

1

В языческом мире, который
Расколот вторженьем вопроса,
Останется точкой опоры
Не точка, а знак переноса.
Осенняя серая роща,
Как женщина простоволоса,
Не знает, что может быть проще
И горше, чем знак переноса.
И стаи последней цепочка,
Сквозь небо летящая косо,
Не чья-то финальная строка,
Не слово, а знак переноса.

2

Чем яблоко красней, тем бархатистой мякоть...
По крайней мере так покажется, когда
Ты сделаешь надкус – и вдруг захочешь плакать
От беглой горечи и детского стыда.
Осенний нищий сад печальнее и глуше,
Чем слезы на щеках в тот сумеречный час,
Когда из-под небес нас окликают души
И тех, кто нас любил, и тех, кто любит нас.

И пусть твоя душа на холоду продрогла
И не ответит им, пока еще нема,
Но для нее октябрь дождем штрихует стекла,
И ветхий лист по ней готов сойти с ума.

3

Я виноват перед тобой,
А ты – передо мной...
Я назовусь твоей судьбой,
А ты – моей виной.
И в час, когда шумней листва
И тяжелей трава,
Я повторю твои слова,
А ты – мои слова.
Но я шепну, что будет свет,
А ты – то будет мгла...
Зеркал странней на свете нет,
Чем эти зеркала.

4

Ночная тишина -
Слезою на реснице:
Сама собой полна,
Сама собой томится,
А на дворе весна,
И талая луна
В твое окно струится...
А скрипнет половица –
И целый мир без сна.

5

Когда стихи уйдут, окажется, что вровень
С кустом рябиновым живет душа твоя,
А прежний образ твой неполон и условен
И как бы вынесен за скобки бытия.

Когда стихи уйдут, окажется, что горло
Больнее полоскать печалью, чем строкой,
Над веками крыло бессонница простерла,
И до небес уже почти подать рукой...

Когда стихи уйдут, окажется, что глина
Нужней, чем карандаш, для занемевших рук,
Что птица в темноте эпичней, чем былина,
И что длинней строфы на свете нет разлук.

6

Из провожающих одна
Ты остаешься на перроне
И смотришь вдаль из-под ладони,
Как в небо смотрят у окна,
Как, стоя на сыром песке,
В час наступившего отлива
Глядят мучительно-пытливо
На бледный парус вдалеке.

Так младенчески свободен
Дождь, лелеющий листву,
Что иных не нужно родин
Ни во сне, ни наяву,
Чем единственная эта,
Где в бездонности ночной
Дождьдается рассвета
Куст пионов за стеной...
И пока водой проточной
Протекает ночь, во мгле
Слушай лепет лепесточный
В синей вазе на столе.

А ты у меня на плече
Спишь,
Колышется в лунном луче
Тишь,
И все незнакомей на слух
Глушь
Для полусроднившихся двух
Душ.
Вот шорох кошачьих в ночи
Лап -
Попробуй его различи -
Слаб,
Но явственен во мраке ночном
Всхлип
Шатающихся за окном
Лип.
И вздох электрички, и взмах
Крыл -
Весь трепет пространства впотьмах
Мил,
Лишь стрелки, бегущей во мгле,
Дрожь -
Единственная на земле
Ложь.
А ты у меня на плече

Спишь,
Колышется в лунном луче
Тишь,
В таинственной смене разлук,
Встреч
Рождается даже не звук -
Речь,
И мир откровений ночных
Нов
В узорчатой пряже твоих
Снов.

ЗВУК НОЧИ

1

Шум листвы похож на шум прибоя
Или шелест поезда, который,
Где-то в отдаленье проходя,
Сам напоминает шум дождя
Или шелест ласточкиных крыльев
В сумраке вечернем...

2

Шепоток часов настенных сходен
С плеском лип и ливня за стеною,
И почти неотличимо, чья
Тема в колыбельной бытия
Кажется для слуха первозданней
Августовской ночью...

3

Звуки ночи все родня друг другу,
Каждый – отчужденно откровенен
И ассиметричен тишине...
Потому-то, думается мне,
Одиноко слово человека
В предрассветном мире...

4

В мире, перевернутом вверх дном,
Где остановился метроном
И себя с потомком спутал предок,
Можно описать и так, и этак
В час печали за ночным окном
Шепот ампутированных веток.

Звездный блеск над холодеющей рекой,
Темных сосен симфонический покой...

В стороне – густой гудок товарняка,
Оседающий на гребне сосняка.

Ночь, летящая сквозь мир порожняком...
Печь, истопленная душным сушняком...

Недописанная фраза в дневнике...
Божий замысел – всегда в черновике.

Красота обнаружит себя в одичалых дворах -
Между свалкой и стройкой – светящейся веткой сирени,
Обретающей контур как будто в нездешних мирах
И с высот неотмирных на землю роняющей тени.
О, тревожней послания миру и городу нет,
Чем случайные письма ее в самодельном конверте,
Те, в которых едва различимы томительный свет
Одинокого сердца и тайная весть о бессмертье.

Все то же дерево в окне...
Оно со мной
Уже почти наедине
Порой ночной.
Мой незадачливый толмач,
Почти родня,
Не хочет дерево – хоть плачь -
Понять меня.
Знать, на скрещении дорог
В безлунный час.
Есть тот, кто больше одинок
На этот раз.

- А что бывает после тишины?
- А после тишины бывает слово,
В котором что-то от былой вины,
Былой любви, предательства былого.
- А после слова – то бывает там?
- А в том краю, где слово исчезает,
Летает майский жук, цветет каштан...
И память, обескрылев, зависает...

ГОЛОС

Вслепую – наугад -
Пересекая тьму,
Туда, где нет преград
Дыханью твоему,
Вдоль облака бежит
Печальный голос твой,
И облако дрожит
От спазмы горловой.
А в тех пределах, там,
Куда стремится он,
Певуч ночной фонтан,
Виолончелен клен,
И связкою шаров
Акаций влажный дым
Уже взлететь готов
За голосом твоим.
Возьми аккорд и пой,
Как волглая листва,
Для тех, кто быть собой
Не потерял права,
Кто знает тайну встреч,
Безмолвий и разлук, -
Протоколируй речь,
Импровизируй звук...
Как берег по волне,
По берегу волна,
Так по твоей струне
Тоскует тишина.

Говори, говори, говори, ни на миг не смолкая,
О томительно- праздничной жизни – опять и опять...
Потому, то единственна всякая повесть людская,
И не страшно, должно быть, людские слова повторять.
Говори ни о чем: о сиреневом бешенстве мая,
О нечаянном сне, где урок в белизне февраля,
Говори, и сама-то себя не вполне понимая,
Что в безлунные ночи как море гремят тополя.
Говори, то любовь бескорыстна как смерть, говори о
Том, то в ливне вечернем нежнее огни фонарей...
Лишь того, что о каждом из нас это страшное в р и о ,
Не скажи. Не распахивай настежь последних дверей.

Как десять тысяч бабочек ночных,
О стекла бьются капли дождевые...
Мне кажется, ты слышишь их впервые,
А прежде и не ведала о них.
В часы, когда за окнами темно,
Темным-темно, как в глубине колодца,
Приотвори одно – свое – окно:
Пускай хотя б одна из них спасется.

ТОПОЛИНЫЙ ЗАКАТ

1

Над нами бредят их вершин...

Ф.Т.

Бредят вершины, глядя на то, как
Пух тополиный медленно-легко.

В городе жарком, изжелта-сером,
Веет над парком, веет над сквером...

И – надо мною, и – над тобою,
В лад с тишиною, вровень с судьбою.

2

Мои слова, как тополиный пух,
Почти не различаемы на слух,
Несказанные же нежнее во сто,
А может статься, во сто тысяч раз,
Чем этот летний снег, в закатный час
Легко твоих касающийся глаз,
К твоим ногам лежащийся так просто.

3

Тополиного пуху
Намело во дворе,
И ни слуху ни духу
На вечерней заре,
В этот час благодати,
Полупрозрачный час,
Обо всем, то некстати
Вспоминает о нас.
Как лелеют друг друга
Эти долгие дни!
Но об этом – ни звука,
Ради Бога – ни-ни!
Отвергая молчанье,
Где найду я слова,
Чтоб с тобою ночами
Говорила листва?
На свету небывалом,
Предвечернем свету
О великом и малом
Ты хранишь немоту,
Притворяясь пред всеми,
Что не знаешь о том,
Как свивается время
В час заката жгутом.

Пой, Марина!
Точно в Лету, в мелодию канув,
Говори на
Языке цветиков и фонтанов,
Снов и былей,
Откровений, скорбей и викторий,
И флотилий
Облаков в предвечернем просторе.
Жизни длинной
Обо мне и почти уже мною
Пой, Марина,
Словно долгое море ночное,
Пой, покуда
Город видится повестью летней,
Пой, как будто
В целом мире поешь ты последней...
И навстречу
Этой песне из мрака шагну я,
Ей отвечу
И к стихии тебя приревную.

Сырой листвой завалены газоны...
Вот женщина в пальто не по сезону
Замедлила шаги невдалеке,
И волосы ее подобны струям,
И каждый жест ее непредсказуем,
Как путь листа, идущего в пике.
Каштановый, рябиновый и снова
Каштановый дрожит над ней, как слово,
А ты утратил право на слова
И можешь только слушать, засыпая,
Как ночью на ветру дрожит сырая
Наискосок шумящая листва.

Едва цветки бобов распустятся,
Душе покажется, что это
Под вечер бабочки-капустницы
Спешат земле добавить света.

Свет
гроз -
Шорох, сумятица,
Август, идущий в пике...
Свет
слез -
Вот они катятся
По загорелой щеке.
Шум,
гам -
Птицей встревоженной
Даль обернется на звук...
Мир -
храм...
Господи Боже мой!
Что же творится вокруг!
Нас
нет,
Но не мешало бы
Этой грозе отыскать
Твой
след -
Нежные жалобы,
Ветром взметенную прядь.

ПАМЯТИ ОТЦА

1

Печальная память рябиновой грозди горчей,
Счастливая память жасминовой ветви душистей,
А память об участи смертной – хозяйка ночей -
Быть может, одна и не знает о смертной корысти.
Мир памятью полон, как скважина нефтью сырой,
Как дерево гулом, а облако – светом закатным,
И даже беспамятство, сходное с черной дырой,
При мысли об этом не кажется столь необъятным.
И если Господь – воплощенная память о нас,
О каждом из нас, приобщенных к Завету и чуду,
То в час переправ, не мною назначенный час,
Тебя я не вспомню, поскольку тебя не забуду.

2

Все помнят обо всех, все знает обо всем:
О береге ль река, дорога ли о доме,
О клине журавлей – осенний глинозем,
И журавлиный клин – о стылом глиноземе.
Все знают обо всем, все помнят обо всех,
Все на учете, все проведен по смете,
И Божий дар таков, то даже смертный грех,
Не ведая зачем, все знает о бессмертье.

3

С тех пор возлюбил я, лицо запрокинув, смотреть,
Как голубь и ласточка мчатся в темнеющей сини,
И, как-то по-детски надменно боясь умереть,
Так суетно верил, что стану бессмертен отныне.
И так безоглядно жилось мне на шаре земном,
Таком же тяжелом и хрупком, как облако в небе,
Что мир мне казался распахнутым настезь окном
И знать не хотел я, то есть помышленья о хлебе.
И в этой гордыне забыл я о черной земле -
О той, на версту в глубину пропитавшейся потом,
Слезами и кровью... и вдруг пошатнулся во мгле
От памяти, кто я такой и откуда я родом.
И я пошатнулся, и не устоял на ногах,
И телом неловким упал в тесноту глинозема...
А голубь и ласточка чертят круги в небесах -
Две точки, две тени, высоко, почти невесомо...

4

На свете нет разлук. Ни с ночью грозовой,
Ни с бледным фонарем в расщелине окна,
Ни с дышащей во тьме кленовою листвою
Не может быть ничем душа разлучена.
На свете нет разлук – есть только узнаванья
Друг друга в темноте: по птичьим голосам,
По шелестам дождя, которым нет названья,
По медлящим в ночной бессоннице часам.
На свете нет разлук. С потрепанным блокнотом,
Держа сырую ветвь жасмина, поутру
Ты будешь ждать меня за дальним поворотом -
Мы встретимся с тобой, когда и я умру.

5

...И опять в напряженном покое ночном,
Как любовь ощущая вину,
Я учусь по движениям лип за окном
В тишине прозревать тишину.
И в такой тишине, что шершавей коры
И непролитых слез солоней,
Ты мне тянешь ладонь сквозь чужие миры -
И щекой прижимаюсь я к ней.

Имя твое – отголосок державного Рима...
В этой стране, утонувшей в лиловом снегу,
Имя твое так воздушно и неуловимо,
Что и за эхом его уследить не могу.
Снег разлинует пространство в косую линейку
И для меня приготовит такую тетрадь,
Где на рассвете я мог бы, присев на скамейку,
Имя твое тополиною веткой писать.
Что ему делать под сводами знойного неба,
В том императорском Риме, в краю голубом,
Где и патриции требуют зрелищ и хлеба
И рукоплещут победе раба над рабом?..

Как птенца, отопрею дыханьем ладошку твою -
Отвоюю у стужи великой, у ветра отвою
И по краю пройду, удержавшись на самом краю,
Чтоб в ничто мировое не броситься вниз головою.
У дрожащих перронных огней, отраженных во льду,
У немых облаков и высокого лунного диска
Я отспорю тебя и по сваям над бездной пройду,
Сам не зная, то был я от участи смертника близко.
В этом мире вечернем, где столько утрат и услад,
Где и мысль невозможна о ропоте и посяганье,
Для тебя – молодые алмазные звезды горят,
Для меня – перемерзшие листья шуршат под ногами.

Не тревожься, не надо, не стоит...
Ты же знаешь: не станет темно,
Если облаком месяц закроет
И дождем занавесит окно.
Что бы ни было, но не печалься:
Там, за облаком, небо и даль,
И в собачьем взбесившемся вальсе
Есть не только надрыв и печаль.
Есть не только тоска и досада
В этом шорохе клавиш и струй...
Не тревожься, не стоит, не надо,
Не печалься, не хнычь, не горюй.

Смотри же: над крышею облако,
Седое, с лиловым бочком,
Еще не прошедшее обжига
В суровом аду городском.
Оно еще даже не пленница
Летучих фантазий твоих,
Захочет – и тут же изменится,
Как незарифмованный стих.
Оно, избегая внимания
И скульптора, и гончара,
Сегодня еще безымяннее,
Чем, может быть, было вчера.

То тут, то там из-за угла
Негаданно-нежданно
Пахнет сиреневая мгла
И белизна каштана.
Они везде – в любом дворе
И в каждом переулке,
Дарованные детворе,
Как музыка в шкатулке.
И длятся, длятся эти дни
С метелью лепестковой
В тени каштана и в тени
Сирени родниковой.

Ты скучаешь, моя радость?
Дай тебя я приголублю...
Ты горюешь, моя прелесть?
Дай тебя я обниму...
День проходит, год проходит,
Жизнь проходит -
нет ни дубля.
Нет им дубля – говорю я.
Знать об этом – ни к чему.

Придет пора – и снова научусь
В круговороте дней
Всему, всему, что больше наших чувств
И наших снов родней.
Черемуховой ветке за окном
И бабочке над ним,
Мерцающей на зное слюдяном
Всем шелком расписным,
Всему, всему – и свету первых встреч,
И блеску поздних гроз,
И темени твоих – до самых плеч -
Египетских волос.

В молчании смеркающихся комнат
Становятся слышнее во сто крат
Твои часы, которые не помнят
Моих молитв, бессонниц и утрат.

И девушка с веслом, и мальчик с медным горном -
Не сон ли о былом – кровавом и мажорном?
О, родина моя... Иных не будет родин,
Где б мог остаться я неволен, но свободен.
И дело же не в том, что брежу общежитьем -
Она была гнездом, прибежищем, укрытьем,
Она была груба, жестока и пристрастна,
Но, даже и раба, она была прекрасна.
А нынче – ночь, зима, перрон огнями залит...
О чем, сводя с ума, вдали состав сигналил?
И кто же там, в окне последнего вагона,
Все шлет прощенье мне почти освобожденно?..

Человек промежутка... Ночных облаков соглядатай...

Одинокий фонарщик, в египетской тьме виноватый...

Еретик вольнодумец, отосланный на покаянье...

Городской сумасшедший, просящий у птиц подаянье...

Однодневная бабочка и однокрылая птица...

Перечеркнутый накрест финал, черновая страница...

Песчаный пляж...ущербная луна...
Прибой, как метроном, в ночном эфире...
И если я умру, моя вина
Останется в меня простившем мире.

Прислушиваюсь к старикам,
Внимаю их тревогам,
Их жалобам по пустякам
И разговорам с Богом.
У них сократовские лбы,
Трагические руки -
Уже не в рабстве у судьбе
Их торжества и муки.
Над ними полная луна,
И прах земной под ними,
И помнит только седина
Из их бывшего имени,
И знает только тишина
Их будущее имя.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Небожителем буду, но с неба на землю сойду,
Потому что привык я к неверному быту земному -
К этим яблоням полубезумным в осеннем саду
И к поленнице дров, привалившейся к темному дому.
А когда одиночество неба сомкнется с земным
Одиночеством нищих времен и нетопленных комнат,
Пусть от гнева Господня укроет меня Серафим,
Даже если об имени грешном моем и не вспомнит.

2

Ты же знаешь сама: оправдания не стоят труда,
Ни к чему объяснения, и поиск виновных излишен.
Но когда изменяет небесному саду звезда,
То она расшибается насмерть о грудку булыжин.
И когда отгорю я, и ангел расправит крыла
И от смертного жара меня, как былинку, укроет,
Ты останешься в памяти той же, какую была:
Сумасбродней, чем ливень, и призрачней, чем астероид.

3

Небожителем не был, но к небу глаза поднимал...
Для того ли, чтоб видеть тяжелые звезды и тучи?
О, ни слова, ни слова, ни звука о ночи могучей,
Пред которою сам я почти исчезающе мал.
Но державная ночь и державная речь – двойники,
Потому-то одна без другой обойтись и не может...
Миг единственной жизни моей мирозданием прожит,
И под тяжестью строк прогибаются черновики.

ВОСЕМЬ СТРОК

Я написал бы восемь строк

О свойствах страсти...

Борис Пастернак

1

Я трижды с тобою прощался,
И, трижды прощенный тобой,
Я трижды к себе возвращался,
Как будто спускался в забой.
И был я чернее и глуше,
Чем каторжный уголь земли...
А наши бессмертные души
Разлуку для нас берегли.

2

Перемещеньем облаков
И столкновеньем масс воздушных,
Превозмоганьем снов недужных
И ненавидящих зрачков, -
Так мы живем... и так мы жили,
Хотя о том не знали мы,
Как погребенный о могиле
Не ведает в пределах тьмы.

3

В пыли, в золе, в репейнике, в дожде,
Пространством нищ, а временем богат,
Молчу я на аукционе, где
Не «продано», а «прожито» кричат.
Но кто же не участвует в торгах
И кто при счете «три» дает отбой -
Не ворон ли в полнощных облаках?
Не ангел ли с оплавленной трубой?..

4

Вечерний город бел и бледен,
И воздух в оттепель ослаб,
И на снегу полно отметин
От птичьих и кошачьих лап.
И жизнь поймешь, как опозданье,
Услышав в космосе тугом
Подробный ужас мирозданья
В крошенье льда под сапогом.

5

Сухой снотворный воздух января,
Скрипенье снега под ботинком лыжным,
И поздняя багровая заря
Над городом глухим и неподвижным.
Весь этот мир подробен, прост и груб,
Все замерло в томленьи исполинском...
А если и сорвется слово с губ,
То разве что на языке латинском.

6

Губы темные, сухие,
Изможденный вид...
Мать Божия Мария
В зеркало глядит

И узнать себя не может
В глубине стекла -
День ли прожит, век ли прожит,
Вечность ли прошла...

7

Карантинные сумерки поздней зимы
Как-то связаны с некой пропажей.
Здесь, на этой границе свеченья и тьмы,
Нет ни авторов, ни персонажей.
Лишь случайный прохожий, ссутулясь слегка
И заботливей горло укутав,
Мне помашет рукой точно издалека,
Но своих не изменит маршрутов.

8

На то, что я не смел наречь, взлелеяв,
Словами громогласных площадей:
На сумерки томительных музеев,
На детский почерк писем и дождей,
На лунный след во мраке бездорожий
В разлившейся весенней тишине -
Того, что я творил тебя похожей,
Ты не простила мне.

БОКОВЫЕ МЕСТА

Садимся друг напротив друга
И молча смотрим, как в окне
Струится сонная Калуга
С луной, намеченной вчерне.
А часом позже просим чаю,
И дробно ложечки звенят,
Неторопливо истончая
Вагонный длинный рафинад.
Ужели так непосторонни
Два посторонних существа,
Что и на исповедь в вагоне
Им не отпущены права?

До рассвета вдоль вагона шаркая
И усталость отгоняя прочь,
Муза эшелонной санитаркою
За больными ходит день и ночь.
И, светя огарком в этой темени,
Замечает сквозь угар и чад:
У разгримированного времени
На лице рубцы кровоточат.

НИЩИЙ

Вот он сидит в инвалидной коляске
Около переходного моста -
В свитере грубой промышленной вязки
И с папироской во впадине рта.
Облако в небе стоит и не тает,
Влажное солнце по листья течет,
Неторопливо сирень доцветает,
Ставится время на переучет.
Что ж он молчит и следит затаенно
За бесконечной людскою волной -
Призрак Орфея иль призрак Харона,
Двух мирозданий безумный связной?..

Пейзаж на стене показался окном,
И рощи березовой проседь и просинь,
Пространство и время
Поставив вверх дном,
Внушает,
Что в мире блаженствует осень.
Пространство и время...
Мои двойники,
Мои провожатые в мире и веке,
Мои соглядатаи и дневники.
Что пишутся веткой на тающем
снеге.

А шторы отдернешь – распутица, март,
И ветер сгибает продрогшие кроны,
Как будто природа сдает сопромат
И смотрит испуганно и отчужденно.

Деревья в инее,
Пространство нелюдимо,
И жизнь стариннее,
Чем лампа Аладдина,
Но ты потрешь ее
Случайною тряпицей -
И все расхожее
Тотчас посторонится.
Гоня обыденность,
Борясь с самой судьбою,
Как слово, вытянусь
В бессилье пред тобою.
Стопой гексаметра,
Поправшего бумагу,
Во прахе замертво
Перед тобою лягу.
Я нищ, как дерево:
В прозрачности осенней
Не счесть потерь его,
Не сосчитать смятений,
Но ты, присущая
Всему,
 даруя милость,
Над неимущею
Душой моей склонилась.

Чтобы жил я, не помня про годы
И добро отделяя от зла,
Ты внушила мне чувство свободы
И на цепи меня обрекла.
И пошел я тогда под конвоем
Слов, нашептанных первой листвою,
Сам не зная еще, каково им
Жить живыми в душе неживой.
Так и ныне иду, безымянен
И последнего слова лишен,
Как Владимиркой шел каторжанин
Под кандалный застенчивый звон...

Я знаю, что это не ты.
Я вижу: не ты.
А кажется, будто бы ты.
Поистине – ты.
Прическа такая, какой
Была у тебя,
Походка такая, какой
Была у тебя...

Помертвелой травой никогда
И тебе не покажется время,
Где к земле накреньялась звезда
И лицо зарывала в сирени.
А сирень окрыляла дворы
Темно-розовым, дымчато-синим
И творила из света миры -
Те, которых уже не отринем.
Не смыкая всевидящих глаз,
Жили мы, не боясь переделки,
И летели столетья сквозь нас,
Обгоняя секундные стрелки.

Когда я жил в страдательном залоге,
Я был самым собой обременен
И погибал от гулкой безнадеги
На долю мне доставшихся времен.
Но ты пришла и стала на пороге
Моей судьбы, летевшей под уклон.
Ты на пороге стала молчаливо
И породнила с мокрой резедой.
С тропинкою, бегущей вдоль обрыва,
С весенней холодеющей звездой,
И я судьбу – на линии разрыва -
Увидел, не поверив, молодой.
И я увидел молодой да ранней
Мою судьбу, летевшую стремглав
В безмолвие последних опозданий,
В небытие последних переправ,
Туда, где жизнь темней и безымянней
Заглохших трактов и сгоревших трав.

Говори, разжимая с трудом
На ветру отвердевшие губы,
Как озера живут подо льдом
И молчат у костров однолюбы.
Говори, изнуряя в ночи
Истощенный бессонницей разум,
Как пылает полено в печи
И луна леденеет над вязом.
Обращая лицо на зарю
И твоим заклинаньям внимая
(Ты настаивала?), говорю...
Слышишь, родина глухонемая?

В непролазном времени по пояс,
Если даже слова не дождусь,
Твоего молчанья удостоюсь,
Временнообязанная Русь.
Давними вопросами измаян:
Делать что и кто же виноват, -
Я тебе не раб и не хозяин,
А скорее – неимущий брат,
Брат меньшей, который в доме отчем
Обездолен и лишен куска,
Я пойду к тебе чернорабочим,
Чтоб сметать опилки с верстака.

Господь Россию держит, как свечу,
И не дает погаснуть ей...

Помилуй

И землю ту, которую топчу,
И слово то, которое шепчу,
И слово то, которое молчу
Над безымянною могилой...

ЛЕТО 1991

Раскаленное лето:
До локтей рукава,
И защитного цвета
Вдоль обочин трава.
В этом воздухе спертом
Отзывается гром
Не Иваном IV,
Так Великим Петром.

ДОЖДЬ

I

Хлынет и забарабанит
По листам железа,
Наскандалит, набуянит,
Бахнет из обреза,
Весь простор обескуражит
Мощью одичалой,
Оглушит, ошарашит
И начнет сначала.
А потом, уже на спаде,
В сумраке осеннем
Дарит слово благодати
Людям и растеньям.

II

Не обремененный даром высшим
И причастный пустякам,
Дождь лениво шлепает по крышам,
Цветникам и парникам.
Надо всем – и тленным, и нетленным -
Не вмещаемым в уме,
Тускловатым полиэтиленом
Дождь мерцает в полутьме.

III

Ливень сам себя поймает в сети,
До утра в окрестностях бродя,
И усядусь я на парапете,
Влажном от недавнего дождя.
Кепку на затылок передвинув,
Не смущаясь посторонних глаз,
Стану я одним из арлекинов
В этот ранний сумеречный час.
И простят меня в такую пору
Эти камни, эти тополя,
Как всегда прощает без разбору
Нищих и юродивых земля.

ПОГОРЕЛЬЦЫ

I

Вот опять без светомаскировки,
Словно бы в лихой военный год,
Жизнь моя, лишённая страховки,
На глазах у вечности течёт.
Жизнь моя, любви и страха свиток,
Ты ль не в силах отвести очей
От осанистых, мастеровитых,
Никогда не праздных палачей?

II

Тихо-тихо бродит лихо
По родной земле,
Ходит-бродит, глаз не сводит
С огонька во мгле.
Покаянно, неповинно
Хоть в избе курной
Ты гори, моя лучина,
Над моей страной.
Несть числа и счёта нищим
На родной земле...
Сколько их по пепелищам
Роется в золе,
Сколько правых и неправых
С тощею сумой

Посреди пиров кровавых
Ищет путь домой...
Тихо-тихо бродит лихо
По моей земле,
Ходит-бродит, глаз не сводит
С уголька в золе.
Ну, проваливай, старуха
С черною клюкой,
Не стучи в окошко глухо,
Не маши рукой.

III

Когда ты из времени выбыл
И даже не понял – куда,
И даже не выбыл, а выпал,
Подобно птенцу из гнезда,
Тогда ли всем ужасом тельца,
Распластанного на земле,
Ты вспомнил глаза погорельца,
Искавшего искру в золе?

МАРТ

I

Дай мне времени досниться
И сирени, и синице
На карнизе жестяном,
И синице, и сирени
В синеватом оперенье
На рассвете ледяном,
Дай мне случай доискаться
У заснеженных акаций,
Кто я в сущности такой,
Кем слыву у птиц и женщин,
Опорочен ли, увенчан
В беглой речи городской...

II

Снова ни свет ни заря
Шалые галки базарят...
Выйдешь – и в ноздри ударит
Холодном нашатыря.
Гам их относит, как дым,
И по невидимым вехам,
Как по столбам верстовым,
Даль измеряется эхом.

III

Сквозь март к февралю
Вслепую рванулась природа.
Я так не люблю
Подобные перевороты:
Естественный строй
Событий смещен и разжижен
Метелью сырой,
Летающей на груды булыжин.
Весь этот простор,
По пояс в смятенье и хляби,
Как самоповтор
Эпохи на новом этапе,
И стынут кусты,
И зябко сутулятся птицы,
И страх высоты
На детское сердце ложится.

НЕБО В ГРОЗУ

I

Двух голубей полет синхронный
В крутом разломе небосклона
Вдоль самолетной полосы
Под медлящими облаками
Над памятью и над забвеньем
И – за мгновенье до грозы.

II

Внезапно – в четверть часа – поднебесье
Покрыл белесый мертвенный налет,
И, начиненный взрывчатой смесью,
В беспамятстве утратил равновесье
Известкой побеленный небосвод.
И вспышки молний – белое на белом -
Ппульсировали в блеклой вышине,
И дождь гремел в пространстве оробелом
И подвергал опасным переделам
Весь этот мир, творящийся вчерне.

В купейном неприветливом вагоне,
Где правит обезличенный уют,
Опять о Демокрите и Платоне
До поздней ночи диспуты ведут.
А в двух шагах, за стеклами двойными,
В безмолвные снега погружена,
Запятовав собственное имя,
Лежит моя тяжелая страна.

По-над речкой по-над синей,

По-над бездной

Что скажу я на латыни

Неуместной?

О судьбине, о рябине

Безымянной

Что скажу я на латыни

Окаянной?

О кручине, о лучине

Ненаглядной

Что скажу я на латыни

Беспощадной?

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ТЕТРАДИ

I

Медуза на песке блестит, как стекловата,
И чайка на волне, и парус вдалеке,
И поутру прибой, на слух шероховатый,
Эпически поет на древнем языке.
И в повести его – вся жизнь на свете белом,
Вся жизнь моя с ее надеждой и тоской...
А волны на песок бросаются всем телом
И обретают смерть, не обрета покой.
А вдалеке гора гола, как после стрижки,
И парус в синеве, и чайка в вышине...
И моря мерный гул не знает передышки:
Волна вослед волне, волна вослед волне.

II

Зарницы

Как демоны глухонемые
Ф.Т.

То палевый, то голубой,
Лимонный иль иссиня-белый,
Их свет озаряет собой
И дальний и ближний пределы.
То вспыхнут над черным хребтом,

То полгоризонта обнимут -
В томительном свете таком
Как будто меняется климат.
На склоне осеннего дня
По тихому небу бродяжа,
Они посвящают меня
В недетские игры пейзажа.

III

Раковина

Вот ее приближу к уху
И услышу слабый звон -
Тот, едва доступный слуху,
Гул распавшихся времен,
И ничтожный и великий
В безымянности своей,
Как на голос Эвридики
Оглянувшийся Орфей.

IV

Будь я стеклодувом на Балканах,
Выдувал бы гордых рысаков
И дарил бы, царственных и странных,
Сыновьям софийских бедняков.
Челяди и черни ненавистен,
Сильный человек мастеровой,
Я постиг бы главную из истин
Под античной древней синевой.
А в России зимы все бесснежней,
Холода угрюмей и лютей,
И зовут меня из жизни прежней
Очи обездоленных детей.

V

*Ветровая равнина
Безучастно пуста...*

Б.Н.

Я бросил в море три стотинки:
Авось, вернусь когда-нибудь
В страну, где жизнь, как на картинке,
Видна игрушечной чуть-чуть,
Где райские виденья пляжей
И ослепительных реклам
Так далеки от жизни нашей -
С кикиморами по углам.
Я бросил в море три стотинки
И в шелестенье моря вдруг
Услышал шорохи пластинки -
За кругом круг, за кругом круг.
И чей-то хрипловатый голос
В тоске по жизни мировой
Мне тайно пел про санный полоз
В снегах равнины ветровой.

На матовом снегу бело от лунных пятен,
Поскрипывает наст под черным сапогом...
И снова Млечный Путь для нас невероятен
И смутно говорит о времени другом,
О давней той поре, когда прекрасный эллин,
Надменный римлянин иль скорбный иудей
Впервые ощутил, что мир небеспределен...
И трудно стало жить ему среди людей.

Горизонт на январском закате пунцов,
И вполнеба стоит тишина...
Ты шепнешь: «Не бывает печальных концов
У любви, если это она».
А когда замаячит последний причал,
На пороге последнего сна,
Я скажу: «Не бывает счастливых начал
У любви, если это она».

Тени от ив низкорослых
Зябнут на мокром песке...
Женщина, сидя на веслах,
Что-то поет вдалеке.
Вот она весла сложила -
Захолонуло в груди...
Женская ль надобна сила
Против течения грести?

Как детский шарик, в голой кроне
Застряла желтая луна...
Попробуй взять ее в ладони,
Когда она в ночном затоне
Сама в себя погружена.
А до рассвета где-то за три
Часа, когда темным-темно,
Еще горит твое окно,
Случайное, как солнце в кадре
Документального кино.

Так январская ночь холодна,
Что секундная стрелка в ознобе,
И как будто светлее луна,
И лиловее тень на сугробе,
И любовь моя, точно вина
Иль попытка самооправданья,
По ночам оставляет без сна
Это маленькое мирозданье.

Сирень отцвела. Началось тополинное время,
Когда по ночам от летящего пуха светлей,
Но бремя цветенья не самое легкое бремя
Для этих сутулых и глухонемых тополей.
Такое безмолвие длится в жестоком июне,
И так ненадежно над нами мерцает звезда...
Но это цветенье... неужто останется втуне,
Развеется по ветру и не оставит следа?
Сирень отцвела. Я сначала не понял, что это
Сирень отцвела, и настала иная пора,
И тополь, цветущий среди неподвижного лета,
Клубится, как исповедь, в тесном колодце двора.
Лицо человека, и тополь цветущий, и снова -
Лицо человека и шепот его земляной...
И пух тополинный дрожит на ладони, как слово,
И теплится еле под белой холодной луной.

На улице совсем темно,
И пьлится в мое окно
Фонарь, похожий на подростка, -
Он так же бледен и сутул
И так же обожает гул
Полуночного перекрестка.
И кажется, что он вот-вот
В два пальца свиснет и уйдет
Шататься по ночным бульварам,
Даруя свет, бросая тень,
В железной кепке набекрень,
В пальто без пуговиц и старом.

Протекание времени – как протекание крыши...
В прохуdivшемся толе и тучи, и звезды видны...
Запрокинувшись в небо, на нитке вишу и завишу
Лишь от воли звезды и безволя ночной тишины.
То, что было багульником, клевером или пыреем,
Нынче тычется в пальцы сухой безымянной травой,
И томится душа не по царственным оранжереям,
А по желтым цветам на развилъе тропы луговой.
Протекание времени, ночь, духота сеновала...
Ты потом за мгновения эти полжизни отдашь,
Вспоминая на слух, как звезда на ветру оплывала,
Как мерещилось море и галькой усеянный пляж,
Вспоминая на слух, потому что иначе не в силах,
Вспоминая на слух, ибо память иная не в счет,
Как сухая травинка дремотно щекочет затылок
И – как время течет.

ПОЧЕРК ГЛАЗКОВА

Детский почерк поэта Глазкова...
Нынче этак не пишут: рисковно,
Да и хлопотно, да и смешно
Для эпохи цветного кино.
Он печатными буквами пишет
То, что внутренним слухом услышит
В голосах самолетов и птиц,
То, что внутренним зреньем увидит,
В неприглаженных строчках и выйдет
На поверхность белейших страниц.
Не заботясь о личном бессмертье,
На обычном почтовом конверте
Пририсует цветок в уголке...
Нынче почерки ценят иные:
Не корявые, а прописные,
Подчиненные твердой руке.

Жизнь, что в прошлое отошла,
Отлетела, -
Повредила в пути крыла -
Вот в чем дело.
Заметалась туда-сюда,
Закричала...
Нет пристанища – ни гнезда,
Ни причала.
И лететь ей уже невмочь,
Этой птице,
И обратно сквозь дождь и ночь
Не пробиться.

Если стану я счастливым,
Подарю тебе стихи.
В них отмечу я курсивом
Пустяковые штрихи.
Три строфы о снеге синем
И о небе голубом,
Обо всем, что не покинем,
Не отринем, сбережем.
Обо всем, что нам приснится,
Да окажется не сном,
Как счастливая синица,
В миг рассвета за окном.